УДК: 325.14:329(48) DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–4–100–117

КОНКУРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО И ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В СНГ ПОСЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Пахолкин Д.А.[1]

В статье рассматриваются ключевые параметры конкуренции европейского и евразийского интеграционных проектов в пространстве СНГ, анализируются последствия украинского кризиса 2013–2014 годов с точки зрения динамики этой конкуренции и даётся оценка результатам данного кризиса для основных её участников. Исследование основано на методологии социального конструктивизма. С помощью метода отслеживания процесса (process tracing) производится деконструкция политических и институциональных параметров конкуренции европейского и евразийского интеграционных проектов в СНГ. Дискурсивный анализ позволяет сформировать представление о тех ограничениях, которые накладывала политическая риторика основных её участников на их политическое поведение. Для понимания масштаба последствий украинского кризиса для проекта Восточного партнёрства и Евразийского Экономического Союза задействуется институциональный анализ. Интенсивность конкуренции интеграционных проектов как таковая несколько снизилась, но она оказалась подчинена логике политической конфронтации и возросшего нормативного разрыва между сторонами, что делает невозможным использование форм практического сотрудничества в качестве платформы для разрешения политических противоречий. Результаты могут быть применены при формировании политики России в отношении интеграционных процессов в пространстве СНГ.

***Ключевые слова*:** интеграция, Европейский союз, Евразийский Экономический Союз, украинский кризис, Восточное партнёрство, конкуренция, проекция норм, ассоциация, конфронтация.

Пахолкин Дмитрий Анатольевич – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин, Международный юридический институт, адрес: 127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, e-mail: dpakholkin@yandex.ru

COMPETITION BETWEEN EUROPEAN AND EURASIAN INTEGRATION PROJECTS IN THE CIS AFTER THE UKRAINIAN CRISIS

PACHOLKIN D.A. – Senior Lecturer of the Department of Humanities and Natural Sciences at the International Law Institute (Russian Federation, Moscow), e-mail: dpakholkin@yandex.ru

The article considers the key parameters of the competition between the European and Eurasian integration projects in the CIS space, analyzes the consequences of the Ukrainian crisis of 2013– 2014 in terms of the dynamics of this competition and gives an assessment of the results of this crisis for its main participants. The research is based on the methodology of social constructivism. With the help of the process tracing method, the political and institutional parameters of the competition of the European and Eurasian integration projects in the CIS are deconstructed. Discursive analysis allows to form an idea of the limitations imposed by the political rhetoric of its main participants on their political behavior. To understand the scale of the consequences of the Ukrainian crisis, the Eastern Partnership and the Eurasian Economic Union are involved in institutional analysis. Analyzing the course and consequences of the Ukrainian crisis for integration competition in the CIS, the author comes to the conclusion that in the course of this crisis the European Union managed to solve most of the tasks set by it in the framework of integration competition, but the EU failed to impose its approach to the political organization of the European continent on Russia and the Unified Energy System. The intensity of competition for integration projects as such has somewhat decreased, but it has been subordinated to the logic of political confrontation and the increased normative gap between the parties, which makes it impossible to use forms of practical cooperation as a platform for resolving political contradictions. The results can be applied in shaping Russian policy towards integration processes in the CIS space.

Keywords: Integration, European Union, Eurasian Economic Union, Ukrainian crisis, Eastern Partnership, competition, projection of norms, association, confrontation.

Осень 2013 года стала кульминационным моментом в конкуренции интеграционных проектов на постсоветском пространстве, принявшей форму борьбы РФ и ЕС за влияние на местные элиты и общества стран так называемого «общего соседства». В преддверии Вильнюсского саммита Восточного партнёрства, который позиционировался европейскими функционерами как последний шанс для заключения Соглашений об ассоциации с Евросоюзом для Украины, Грузии, Армении и Молдовы, Российская Федерация предприняла ряд шагов, призванных затормозить или заблокировать этот процесс. В результате этих усилий Армения отказалась от подписания Соглашения об ассоциации, а на Украине правительство Януковича и Азарова приняло решение отложить его подписание и провести дополнительные переговоры. Это привело к возникновению острого политического кризиса, изменившего общий геополитический контекст на Европейском континенте, а вместе с ним и его интеграционную динамику.

В данной статье мы попробуем раскрыть политический смысл конкуренции интеграционных проектов на западном фланге СНГ, определить мотивацию ключевых её участников, дать оценку их взаимодействию в ходе украинского кризиса 2013–2015 годов и проанализировать его последствия для интеграционных процессов в СНГ.

К 2013 году конкуренция интеграционных проектов в СНГ, в первую очередь на его западном фланге, превратилась в центральный процесс, определяющий геополитическую конфигурацию Европы и вектор её эволюции на ближайшее десятилетие. В сущности, это была не столько конкуренция интеграционных проектов как таковых, сколько соперничество двух подходов к формированию политической структуры Европейского континента: подхода России, который условно можно назвать «биполярным», предусматривавшего кооперативный механизм управления континентальным пространством на основе взаимодействия европейского и евразийского интеграционных блоков[1]; и ЕС–центричного подхода, согласно которому Европа видится как набор «концентрических кругов» из стран, находящихся на различной степени близости к евроинтеграционному объединению, причём эту степень определяет ЕС в одностороннем порядке, исходя из критерия соответствия его нормам и стандартам.

У России были основания рассчитывать на воплощение «биполярного»

[1] Haukkala H. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU–Russia Relations // Journal of Contemporary European Studies. – 2015. – Vol. 23. – №1. – P. 25– 40. (30)

подхода, поскольку в конце 90-х годов началось обсуждение основанной на нём идеи Общего экономического и гуманитарного пространства ЕС–РФ, а в 2003 г. она получила оформление в виде механизма постепенного взаимного сближения регуляторных норм в различных практических сферах сотрудничества. Кооперативные связи, как ожидалось, должны были способствовать созданию комплексной взаимозависимости между партнёрами без формальной интеграции[1].

Однако примерно в этот же период Евросоюз выдвинул основанную на ЕС–центричном подходе инициативу Европейской политики соседства, ключевым принципом которой была нормативная конвергенция новых восточных соседей ЕС, включая Россию, то есть одностороннее усвоение ими европейских норм и стандартов. И хотя Российская Федерация в итоге отказалась от участия в ЕПС, другие страны «общего соседства» согласились, пусть и с оговорками, принять и реализовывать такой подход. Россия этому особо не препятствовала, так как не считала, что формат ЕПС способен привести к серьёзному сближению стран Восточной Европы с ЕС, нарушающему её жизненно важные интересы в регионе. Однако с течением времени идея Общего пространства РФ – ЕС зашла в тупик, тогда как нормативный подход, выраженный в ЕПС, наоборот, получил своё развитие и воплотился в новом формате Восточного партнёрства, предлагающем соседям механизм «мягкой интеграции» с ЕС – политическую ассоциацию, углублённую и всеобъемлющую зону свободной торговли и перспективу безвизового режима.

Фактически это был первый интеграционный формат на пространстве СНГ, исходящий от внешнего центра силы, причём запущенный на том этапе, когда в этом пространстве уже были заложены основы евразийского интеграционного проекта. Он открыто игнорировал существующую степень взаимозависимости стран СНГ, препятствовал становлению полноценного самостоятельного интеграционного механизма в этом пространстве и превращал Евросоюз в единственную движущую силу интеграции в СНГ.

Таким образом, и ЕС, и РФ полагали, что своими односторонними действиями в отношениях со странами Восточной Европы они смогут, как минимум, заблокировать нежелательные для себя действия другой стороны, а как максимум – обеспечить превалирование своего политического подхода к структурированию Европейского континента. При этом для обоих игроков на кону

[1] Миллер А., Лукьянов Ф. Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Доклад Совета по внешней и оборонной политике. – Ноябрь 2016 года. – 34 с. – URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (дата обращения: 1.03.2018)

стояли вопросы статусного характера: для ЕС – статус единственного центра силы на континенте и его «нормативного гегемона», для РФ – статус самостоятельного центра силы, способного оказывать автономное влияние на политические процессы в Европе и выступать равноправным партнёром ЕС. Тактически эти масштабные задачи на этапе 2011– 2013 годов решались в плоскости конкуренции интеграционных проектов и борьбы за влияние на страны «общего соседства».

В процессе конкурентной борьбы РФ и ЕС использовали различные стратегии влияния на элиты и общества этих стран. ЕС намеренно педалировал нормативно-ценностный аспект вопроса, представляя Соглашение об ассоциации символом цивилизационного европейского выбора. Российское руководство делало упор на экономическом аспекте, акцентируя вероятные затраты и потери вследствие создания зоны свободной торговли с ЕС и разрыва существующих торговых связей в СНГ[1]. Одновременно Российская Федерация стремилась доказать Евросоюзу, что односторонняя проекция его норм и правил в форме двусторонних соглашений об ассоциации и ЗСТ со странами Восточной Европы без учёта позиции России и фактора экономической взаимозависимости в СНГ не только не приведёт к стабилизации этого пространства, а, наоборот, станет предпосылкой для снижения его управляемости и появления новых серьёзных рисков и кризисов.

Ситуация, сложившаяся к середине 2013 года, была не самой комфортной для российской дипломатии. России не было свойственно выступать в роли прямого конкурента Европейского союза, в отношениях с которым до этого лейтмотивом был преимущественно кооперативный подход. Задача ЕС к тому моменту была намного более конкретной – добиться подписания уже подготовленного и парафированного (в случае с Украиной) Соглашения об ассоциации, что само по себе означало смещение геополитического баланса в пользу ЕС, тогда как России в случае успеха ещё надо было сформировать альтернативные договорённости, которые можно было бы вынести на переговоры, то есть России нужно было сначала удержать статус-кво, а затем формировать новую конфигурацию[2].

---

[1] Ademmer E., Delcour L., Wolczuk K. Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the “contested neighborhood” // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – Vol. 57, No. 1. – P. 1-18. (12); Makarychev A. Russia, Ukraine and the Eastern Partnership: From Common Neighborhood to Spheres of Influence? // Insight Turkey. – 2014. – Vol. 16, №3. – P. 181– 199. (189)

[2] Мошес А. Россия-ЕС: Quo Vadis? Без перемен, нормализация или ухудшение // ПОНАРС Евразия. – Январь 2017 г. – Аналитическая записка № 454. – 6 с. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm454_rus_Moshes_Jan2017.pdf (дата обращения 1.03.2018)

Однако наибольшая трудность заключалась в том, что используемая Россией сугубо экономическая аргументация не могла быть эффективной в том внутриполитическом контексте, который сложился на Украине и в ряде других странах Восточного партнёрства на этапе 2013 года. За годы независимости идеи национального суверенитета (односторонне воспринимаемого как независимость именно от России) и «европейского выбора» успели приобрести нормативное значение в украинском внутриполитическом поле и формальное закрепление на законодательном уровне. «Европейский выбор» долгое время преподносился как своего рода компромиссный вариант в геополитическом отношении и нейтральный в культурно-ценностном плане. Евроинтеграция не рассматривалась как источник потенциальных угроз ни одной социальной группой общества, в отличие от идеи вступления в НАТО, в том числе потому, что, согласно тиражируемому представлению, не требовала разрыва исторических связей на пространстве СНГ.

В то же время сохраняющаяся экономическая и энергетическая взаимозависимость в этом пространстве в доминирующем политическом дискурсе наделялась сугубо меркантильной, но не нормативной ценностью, а ряд политических сил прозападного крыла открыто ратовали за разрыв этих связей даже в ущерб реальным экономическим интересам страны.

Нарастание прямой конкуренции между интеграционными проектами привело к прогрессирующей «геополитизации» «европейского выбора» Украины – превращении его из нейтральной, компромиссной опции в маркер смещения геополитического баланса в регионе. Немалая заслуга в этом деле принадлежит самому Евросоюзу: во-первых, понимая объективную ограниченность тех преимуществ, которые предоставляла ассоциация украинскому обществу, и отсутствие среди них ключевого для украинского политического класса элемента – перспективы членства в ЕС, его функционеры стали использовать для обоснования привлекательности Соглашения геополитическую и цивилизационную риторику, противопоставляя ассоциацию с «объединённой Европой» поглощению «азиатской Россией»; а во-вторых, столкнувшись с неготовностью правительства Януковича идти на освобождение осуждённой Юлии Тимошенко, ЕС открыто поддержал оппозиционные прозападные силы, декларировавшие поддержку европейских ценностей и Соглашения об ассоциации. По замечанию Н. Ломагина, в то время как Россия пыталась разыграть карту экономического прагматизма, ЕС превратился в одного из наиболее идеологизированных игроков в мировой политике[1].

[1] Lomagin N.A. A Cold Peace Between Russia and the West: Did Geo-economics Fail? // The Russian

При этом правительство Януковича полностью шло в фарватере евроинтеграционного дискурса и не оспаривало ни целесообразность ассоциации, ни тот нормативный подход, на котором ассоциация была основана и который фактически предусматривал делегирование части государственного суверенитета внешнему институту без возможности влиять на его решения. Благодаря такому «идеологическому вакууму» оппозиционные силы смогли представить ассоциацию как безальтернативный способ реализации европейской идентичности Украины, возведённой за десять лет в ранг основного компонента политической идентичности страны, а отказ или даже торг за условия подписания ассоциации – как отход от «европейского выбора» как такового и от приверженности европейским ценностям демократии и прав человека.

Именно эти обстоятельства и сформировали своего рода дискурсивную ловушку, в которую попало правительство Януковича и Азарова после своего решения приостановить подготовку к подписанию ассоциации с ЕС за неделю до Вильнюсского саммита. Экономическая аргументация о возможных затратах совершенно не воспринималась значительной частью украинских элит и наиболее активных слоёв общества, мобилизованных за прошедшие два года на безусловную поддержку ассоциации как главного инструмента своего влияния на власть и недопущения интеграции в Таможенный союз.

Политический кризис, возникший вокруг этого решения, казалось, служил наглядным подтверждением российских аргументов о возможной дестабилизации стран общего соседства вследствие поспешного навязывания ассоциации. На его фоне Янукович при поддержке Москвы выдвигает инициативу о проведении трёхсторонних консультаций с ЕС и РФ для выработки согласованного видения интеграционных процессов в Восточной Европе. Однако на тот момент легитимность Януковича в глазах европейских лидеров была существенно подорвана, а позиции внутри страны серьёзно пошатнулись из-за вспыхнувших протестов, поэтому любые исходящие от него инициативы не воспринимались как обоснованные и заслуживающие внимания. Ситуация усугублялась его непоследовательностью и отсутствием видения желаемых путей выхода из кризиса. Предлагая провести трёхсторонние консультации, правительство Януковича продолжало вести торг и давало европейским лидерам понять, что подписание ассоциации даже в нынешней её редакции вполне возможно, надо только дождаться улаживания спорных вопросов с Москвой[1].

Challenge to the European Security Environment / Roger E. Kanet (ed.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 88 – 114. (107)

[1] Кошкина С. Последний день Арбузова в Брюсселе // Майдан. Нерассказанная история. – К.: Брайт

Не удивительно, что при таких вводных в Европейском союзе кризис вокруг ассоциации с Украиной рассматривался не как показатель контрпродуктивности его односторонней нормативной стратегии или необходимости вести диалог с Россией и евразийским интеграционным сообществом, а как вызов своему политическому и нормативному влиянию со стороны конкурента и результат силового давления со стороны Кремля, которому Янукович (как и ранее президент Армении Саргсян) якобы был не в состоянии сопротивляться. Более того, подобное давление расценивалось как не имеющее под собой рациональных оснований, а движимое исключительно неправомерными геополитическими соображениями, тогда как политика ЕС, наоборот, «морально обосновывалась» нормативным подходом[1]. Если сам проект Восточного партнёрства лишал Россию права на политическое лидерство в СНГ, то доминирующая в ЕС интерпретация украинского кризиса лишала Россию права на собственные интересы в этом пространстве вообще[2].

Вследствие этих обстоятельств Евросоюз не внял призывам к урегулированию украинского кризиса совместными с РФ усилиями и фактически полностью поддержал требования протестующих по смене власти в стране. В отношении ассоциации Евросоюз видел Россию, говоря европейским языком, «частью проблемы, а не частью решения», открыто требуя от Москвы снять все возражения по поводу ассоциации Украины с ЕС. Проблема в том, что даже в ситуации отсутствия прямого противодействия со стороны РФ Евросоюз оказался не способен эффективно контролировать ситуацию, что и было продемонстрировано на примере срыва соглашения 21 февраля между Януковичем и оппозицией при посредничестве министров иностранных дел трёх европейских государств.

Дальнейшие события только обострили и без того серьёзное противоречие. Силовой переворот в Киеве и присоединение Крыма не просто усилили взаимное недоверие и разногласия по вопросу обустройства «общего соседства», они значительно увеличили нормативно-ценностный разрыв между сторонами. Запад открыто обвинил Россию в стремлении подорвать сложившийся международный порядок в Европе[3], тогда как РФ обвинила Запад

Стар Паблишинг, 2015. – С. 163–165.

[1] Casier T. From logic of competition to conflict: understanding the dynamics of EU–Russia relations // Contemporary Politics. – 2016. – Vol. 22, №3. – P. 376– 394. (385)

[2] Casier T. Identities and Images of Competition in the Overlapping Neighbourhoods: How EU and Russian Foreign Policies Interact // Security in Shared Neighbourhoods. Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 13–34. (24)

[3] Bogdanov A. Preserving Peace Among the Great Powers: Russia's Foreign Policy and Normative

в намерении спровоцировать у неё смену режима с помощью майданных технологий[1]. Из нормативного вызова Россия превратилась в риторике Запада в нормативную угрозу.

Но самое главное, если до этого вопрос геополитической конфигурации пространства Восточной Европы решался в плоскости конкуренции интеграционных проектов, то после указанных событий он перешёл в плоскость прямой политической, а с началом операции на Донбассе – военно-политической конфронтации. Это не отменило интеграционную конкуренцию как таковую, но, во-первых, она оказалась подчинена более весомым соображениям политического характера, а во-вторых, в экономической плоскости к ней добавился ещё один немаловажный ограничительный элемент, а именно секторальные экономические санкции. Таким образом, вопросы форм и механизмов экономической интеграции в Восточной Европе превратились в элемент более комплексного узла противоречий, не разрешимый исключительно на основе логики экономической целесообразности.

Февральский переворот в Киеве и присоединение Крыма привели не просто к усилению прозападной и европейской ориентации украинского политического класса, а к превращению антироссийского вектора в такой же, если не более сильный, элемент национального консенсуса, как «европейский выбор» и национальный суверенитет. Русофобия как целенаправленная государственная политика получила не только дискурсивное, но и законодательное закрепление, а также практическое воплощение, что не могло не вызвать сопротивления со стороны русской и ориентированной на Россию части украинского общества.

В условиях, когда действия нового правительства в Киеве, чья легитимность была весьма и весьма условной, целенаправленно создавали предпосылки для гражданского конфликта в стране, ЕС пошёл на ускоренное подписание политической части Соглашения об ассоциации 21 марта, за два месяца до объявленных президентских выборов. С политической точки зрения, Евросоюз дал этим понять, что он не готов идти на уступки в отношении ассоциации как таковой, независимо от внутренних перипетий на Украине и положения её новой «майданной» власти. Однако подписание Соглашения в целом, с его торгово-

Challenges to the International Order // The Russian Challenge to the European Security Environment / Roger E. Kanet (ed.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 37– 59. (54) ; Allison R. Russia and the post-2014 international legal order: revisionism and realpolitik // International Affairs. – 2017. – Vol. 93, №3. – P. 519– 543.

[1] См.:Полунин А. Выборы в Госдуму-2016: сценарии революции. Сумеет ли Запад устроить в России «цветной» госпереворот? // Свободная пресса. – 2016. – 28 февраля. – URL: http://svpressa.ru/politic/article/143319/ (дата обращения: 1.03.2018)

экономической и нормативной частями формально было перенесено, что оставляло гипотетический шанс на проведение какого-либо согласования с Россией в тех аспектах экономической части Соглашения, которые были предметами её критики.

Поведение российского руководства в данной ситуации отличалось недостаточной последовательностью. Пойдя на решительные меры в Крыму и имея все возможности оказать экономическое и политическое давление на новые киевские власти, Российская Федерация ограничилась лишь требованием вернуться к ценам на газ, предусмотренным контрактом 2009 года, без каких-либо скидок. Ни применение военной силы против русского восстания в Донбассе, ни прямое нарушение согласованной 17 апреля при участии ЕС и США Женевской декларации не повлекли за собой каких-либо санкционных мер со стороны РФ, тогда как в отношении самой РФ были задействованы персональные санкции со стороны Запада и на повестку дня выносилась угроза секторальных экономических санкций.

Четырёхсторонний нормандский процесс по урегулированию ситуации в Донбассе, запущенный после избрания Петра Порошенко президентом 25 мая, подразумевал участие с европейской стороны Германии и Франции в своём национальном качестве, но не представителей Еврокомиссии. Этот формат исключал обсуждение ассоциации и дальнейших интеграционных перспектив Восточной Европы, и на процесс заключения Соглашения об ассоциации это не повлияло: несмотря на прекращение Газпромом поставок газа на Украину 16 июня и подачу иска в Стокгольмский арбитраж, 27 июня ЕС подписал Соглашения об ассоциации с Украиной, Грузией и Молдавией в полном объёме.

Летнее обострение конфликта в Донбассе привело к введению ЕС санкций против ряда секторов российской экономики, на что Российская Федерация ответила контрсанкциями в виде запрета на импорт продовольственной продукции из ЕС в РФ. Экономическая плоскость продолжала выступать центральной ареной политического противостояния между сторонами, что в принципе исключало вопрос о возможности использовать логику взаимовыгодного экономического взаимодействия как платформу для сближения политических позиций.

Попытка найти хотя бы частичный *modus operandi* в интеграционной сфере была предпринята в конце августа, когда в Минске был проведен первый (и на данный момент последний) саммит в формате ЕС–Украина–ЕАЭС, на котором обсуждались пути решения противоречий в энергетической и экономической сферах. Поскольку решения саммита не были оглашены публично, судить о его

результативности мы не можем. Насколько можно понять, на нём были выработаны некие компромиссные договорённости о том, что спорные экономические положения Соглашения об ассоциации будут вынесены на трёхсторонние консультации с участием России. Две недели спустя на трёхсторонней встрече еврокомиссара по торговле Карела де Гухта, министра иностранных дел Украины П. Климкина и министра экономического развития РФ А. Улюкаева в Брюсселе 12 сентября было объявлено, что в случае ратификации Соглашения украинской стороной Евросоюз готов отложить применение его экономической части на год, до 31 декабря 2015 года, и провести консультации по вопросам, вызывающим беспокойство России[1]. В свою очередь Российская Федерация в лице Улюкаева согласилась на аналогичный период отложить введение против украинских товаров таможенных пошлин на уровне режима наибольшего благоприятствования.

С самого начала было очевидно, что уступка носит сугубо символический характер, поскольку и Украина, и Евросоюз отказывались закреплять её в юридически обязывающем документе и рассматривать даже гипотетическую возможность внесения изменений в текст Соглашения, в отношении которого тем временем была начала процедура ратификации. Для европейской стороны задача трёхсторонних консультаций заключалась в том, чтобы доказать беспочвенность аргументов РФ о возможном экономическом ущербе для России от вступления в силу Соглашения об ассоциации и заставить её снять свои возражения против него, не применяя каких-либо ограничительных мер в отношении Украины и сохраняя её членство в зоне свободной торговли СНГ. В содержательном плане у Евросоюза изначально не было готовности обсуждать его положения с Россией по существу, поскольку российские аргументы о возможном негативном влиянии ассоциации на рынок СНГ считались необоснованными и политически мотивированными.

Это не мешало некоторым европейским лидерам, особенно в периоды обострения конфликта в Донбассе, упоминать идею создания Общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока как некую долгосрочную перспективу для отношений с Россией[2]. Тезис о приверженности идее создания общего гуманитарного и экономического пространства от Атлантики до Тихого океана содержался также в Декларации лидеров

[1] Joint Ministerial Statement on the Implementation of the EU-Ukraine AA/DCFTA. – 12 September 2014. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-14-276_en.htm (дата обращения: 1.03.2018)

[2] Меркель допустила создание зоны свободной торговли с Россией // РБК. – 2015. – 18 апреля. URL: https://www.rbc.ru/politics/18/04/2015/55319a569a794730e3e57af6 (дата обращения 1.03.2018)

нормандской четвёрки в поддержку минского Комплекса мер 12 февраля 2015 года. Кроме того, в этой Декларации было прописано, что лидеры поддерживают «трёхсторонние переговоры между Европейским союзом, Украиной и Россией в целях выработки практического решения вопросов, вызывающих обеспокоенность России, в связи с выполнением Соглашения о Глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли между Украиной и Европейским союзом».

На практике переговорный процесс продвигался крайне туго, обещанные консультации на министерском уровне открылись только в мае 2015 года и с самого начала приняли не самый конструктивный характер. В итоге, годичная отсрочка введения в силу экономических положений Соглашения об ассоциации оказалась всего лишь тактической паузой, не изменившей общего положения вещей. Трёхсторонние консультации закончились безрезультатно, и в конце декабря был принят закон о приостановлении Российской Федерацией действия Договора о зоне свободной торговли в отношении Украины, а также введено продуктовое эмбарго на украинскую продукцию. В ответ на это представители Евросоюза вышли из переговорного процесса, а с 1 января 2016 года зона свободной торговли ЕС с Украиной заработала в полном объёме.

В то же время партнёры России по евразийскому интеграционному проекту проводили линию на максимальное абстрагирование от российско-европейских противоречий. Они не поддержали введённые Российской Федерацией контрсанкции на импорт продовольственных товаров из стран ЕС, а также отказались исключать Украину из зоны свободной торговли СНГ, вследствие чего российскому руководству пришлось пойти на одностороннее изменение режима торговли с Украиной, в обход институтов и процедур ЕАЭС. Параллельно с этим государства–члены ЕАЭС продолжали налаживать собственные форматы взаимодействия с ЕС. В конце декабря 2015 года было подписано Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Казахстаном, начались переговоры о новом соглашении с Арменией, в ходе которых Евросоюз согласился учесть обязательства, вытекающие из членства Армении в ЕАЭС. Итогом стало подписание осенью 2017 года Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнёрстве, в котором были сохранены некоторые разделы неподписанного Соглашения об ассоциации и, что самое важное, содержится немалый нормативный компонент в виде обязательств Армении привести своё законодательство в ряде отраслей в соответствие с нормами ЕС. Также в конце 2015 года был достигнут компромисс в отношении торгового режима с Приднестровьем, заключавшийся в обязательстве

Тирасполя в течение двух лет перейти на нормы и правила, закреплённые в Соглашении об ассоциации с Молдавией.

Таким образом, перипетии, обусловленные украинским кризисом, оказали непосредственное влияние на евразийский интеграционный проект. Несмотря на то, что в этот период происходит существенное его углубление и институциональное совершенствование, ЕАЭС так и не стал платформой для формирования второго геополитического центра Европейского континента[1]. Частично это связано с тем, что Евросоюз последовательно отказывается идти на прямой диалог с Евразийским Экономическим Союзом, допуская лишь возможность непубличных технических консультаций между Еврокомиссией и Евразийской экономической комиссией. Но в значительной мере такое положение обусловлено недостаточной степенью политической консолидации внутри ЕАЭС и неготовностью его членов превращать ЕАЭС в основной локус коммуникации с европейскими структурами. И Казахстан, и Армения, и даже Беларусь предпочитают поддерживать отдельные двусторонние каналы диалога с ЕС и выстраивать свои отношения с евроинтеграционными структурами, минимизируя ограничительное влияние евразийских рамок.

«Санкционная война» между Россией и Западом также выступила серьёзным фактором, повлиявшим на позицию партнёров Москвы по евразийской интеграции. По сути, она существенно повысила «цену» поддержания единого торгового режима в рамках ЕАЭС, чем поставила под вопрос эффективность интеграции в подобном формате как таковую. Фактически в ходе украинского кризиса Европейский союз реализовал большинство задач, поставленных при запуске программы Восточного партнёрства. Были подписаны и вступили в силу Соглашения об ассоциации с тремя странами региона – Украиной, Молдовой и Грузией, чуть позже им был предоставлен безвизовый режим краткосрочных поездок граждан. Таким образом на эти страны был в полной мере распространён механизм «мягкой интеграции» в задуманном виде. Сдвиг геополитического баланса, на который рассчитывали творцы этой программы, в конечном итоге произошёл, однако он стал результатом не столько конкуренции интеграционных проектов, сколько нарастающей военно-политической конфронтации между Западом и Россией, которая, в свою очередь, ограничивает возможность использования практического сотрудничества в качестве платформы для

[1] Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union. Deals, Rules and the Exercise of Power // Chatham House Russia and Eurasia Programme Research Papers. – May 2017. – 27 p. – URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf (дата обращения: 1.03.2018)

политического сближения. Интеграция как политический инструмент в значительной мере утратила свой потенциал.

Апеллирование к экономическим аргументам также потеряло свою актуальность вследствие того, что укрепление майданной власти на Украине сопровождалось утверждением новой политической идентичности страны, в которой сближение с Западом и отторжение России превратились в центральный и не подлежащий оспариванию нормативный элемент[1]. То же самое можно сказать и о Грузии, где даже смена власти и уход одиозного Михаила Саакашвили не привели к пересмотру заложенных им основ политической идентичности государства, несмотря на серьёзную поддержку идеи вхождения в ЕАЭС среди местного населения. Определённое поле для дискуссий на эту тему сохраняется в Молдавии, однако правительство в Кишинёве прикладывает максимум усилий для закрепления необратимости политического дрейфа страны в сторону Запада.

При этом в отношении этих трёх стран наблюдается любопытная, хотя довольно ожидаемая тенденция: получив все основные преимущества, предлагаемые Восточным партнёрством, их элиты выдвигают Европейскому союзу новые требования, добиваясь, как минимум, предоставления новых интеграционных форматов, а как максимум – формального утверждения перспективы их членства в ЕС. В Брюсселе на эти требования реагируют весьма болезненно и не спешат удовлетворять запросы недавно ассоциированных партнёров, которые вдобавок демонстрируют не самый большой энтузиазм в плане имплементации норм и стандартов ЕС. Однако позиция, занятая европейскими лидерами в отношении украинского кризиса, не оставляет им возможности отказаться от поддержки Украины и других подписантов ассоциации, поскольку это диктуется логикой политической конфронтации с Россией.

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что украинский кризис стал поворотным моментом в конкуренции интеграционных проектов в СНГ, определившим её по крайней мере промежуточный исход. Евросоюзу удалось включить в сферу своей «мягкой интеграции» три страны Восточной Европы (Украину, Грузию и Молдавию), составляющих «критическую массу» пространства «общего соседства», и наладить самостоятельный механизм диалога с государствами–членами ЕАЭС в обход интеграционных институтов. Это исключило возможность формирования какого-либо согласованного механизма управления «общим соседством» с Россией. Как отмечают Алексей Миллер и

[1] Makarychev A. Russia's neighbourhood policy: Conflictual contexts and factors of change // Key Actors in the EU's Eastern Neighbourhood. Competing perspectives on geostrategic tensions / Kristi Raik, Sinikukka Saari (eds.). – The Finnish Institute of International Affairs. – Report No. 47. – P. 37– 50. (50)

Фёдор Лукьянов, «рассчитывать на готовность Европы к стратегически мотивированным проектам с Российской Федерацией нет оснований, России назначена роль источника проблем, а не партнера по их решению»[1].

Тем не менее говорить о победе европейского «концентрического» подхода к геополитической конфигурации Европейского континента не представляется возможным. Во-первых, Россия так и не согласилась принять идею нормативной гегемонии ЕС, исключила Украину из зоны свободной торговли СНГ, пусть и в одностороннем порядке, и продемонстрировала готовность идти на открытые разногласия с партнёрами по ЕАЭС ради сохранения способности поддерживать собственные контрсанкции в отношении европейской продукции. А во-вторых, переход от опосредствованной конкуренции в интеграционной плоскости к прямой военно-политической конфронтации с Россией снизил масштаб субъектности ЕС, не обладающего достаточными ресурсами для самостоятельного участия в подобной конфронтации и попадающего в зависимость от политики США.

В собственно интеграционной плоскости на данный момент создалась своего рода «замороженная» ситуация, когда ключевые контрагенты произвели необходимые им перемены и занимаются преимущественно фиксацией достигнутых позиций. Европейская сторона не спешит углублять интеграционное взаимодействие со странами, подписавшими Соглашения об ассоциации, но стремится распространить свой механизм «мягкой интеграции» на страны, участвующие в евразийском объединении. Россия со своей стороны не торопится обострять интеграционную конкуренцию с ЕС в ситуации, когда обострение может вылиться в разрыв сохранившихся практических связей с европейскими странами.

В сложившемся контексте для проекта евразийской интеграции, достигшего, по всей видимости, предела институционального углубления, наступил период ревизии его политической направленности. Из платформы для второго центра силы Европейского континента ЕАЭС переориентируется на роль ключевого связующего звена экономической интеграции в пространстве Большой Евразии. Однако политическая и институциональная конфигурация данного проекта может существенно варьироваться, и поскольку вокруг него ведётся серьёзный дипломатический процесс с участием ряда региональных игроков, вопрос конкуренции интеграционных механизмов будет оставаться актуальным для отечественной науки и требовать дальнейшего изучения.

[1] Миллер А., Лукьянов Ф. Сдержанность вместо напористости: Россия и новая мировая эпоха // Доклад Совета по внешней и оборонной политике. – Июль 2017 года. – 24 с. – URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2017/07/report_miller_lukyanov_rus_2.pdf (дата обращения: 1.03.2018)

Библиография/References:

1. Кошкина С. Майдан. Нерассказанная история. – К.: Брайт Стар Паблишинг, 2015. – 408 с.

2. Меркель допустила создание зоны свободной торговли с Россией // РБК. – 2015. – 18 апреля. – URL: https://www.rbc.ru/politics/18/04/2015/55319a569a794730e3e57af6 (дата обращения: 1.03.2018).

3. Миллер А., Лукьянов Ф. Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Доклад Совета по внешней и оборонной политике. – 2016. – 34 с. – URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (дата обращения: 1.03.2018).

4. Миллер А., Лукьянов Ф. Сдержанность вместо напористости: Россия и новая мировая эпоха // Доклад Совета по внешней и оборонной политике. – 2017. – 24 с. – URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2017/07/report_miller_lukyanov_rus_2.pdf (дата обращения: 1.03.2018).

5. Мошес А. Россия-ЕС: Quo Vadis? Без перемен, нормализация или ухудшение // ПОНАРС Евразия. – 2017. – Аналитическая записка № 454. – 6 с. – URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm454_rus_Moshes_Jan2017.pdf (дата обращения: 1.03.2018).

6. Полунин А. Выборы в Госдуму-2016: сценарии революции. Сумеет ли Запад устроить в России «цветной» госпереворот? // Свободная пресса. – 2016. – 28 февраля. – URL: http://svpressa.ru/politic/article/143319/ (дата обращения: 1.03.2018).

7. Ademmer E., Delcour L., Wolczuk K. Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the “contested neighborhood” // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – Vol. 57, №1. – P. 118.

8. Allison R. Russia and the post-2014 international legal order: revisionism and realpolitik // International Affairs. – 2017. – Vol. 93, №3. – P. 519– 543.

9. Bogdanov A. Preserving Peace Among the Great Powers: Russia’s Foreign Policy and Normative Challenges to the International Order // The Russian Challenge to the European Security Environment / Roger E. Kanet (ed.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 37– 59.

10. Casier T. From logic of competition to conflict: understanding the dynamics of EU–Russia relations // Contemporary Politics. – 2016. – Vol. 22. – №3. – P. 376 – 394.

11. Casier T. Identities and Images of Competition in the Overlapping Neighbourhoods: How EU and Russian Foreign Policies Interact // Security in Shared

Neighbourhoods. Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 13– 34.

12. Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union. Deals, Rules and the Exercise of Power // Chatham House Russia and Eurasia Programme Research Papers. – May 2017. – 27 p. – URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf (дата обращения: 1.03.2018)

13. Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union. Deals, Rules and the Exercise of Power // Chatham House Russia and Eurasia Programme Research Papers. – May 2017. – 27 p. – URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf (дата обращения: 1.03.2018)

14. Haukkala H. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU–Russia Relations // Journal of Contemporary European Studies. – 2015. – Vol. 23, №1. – P. 25 – 40.

15. Joint Ministerial Statement on the Implementation of the EU-Ukraine AA/DCFTA. – 12 September 2014. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-14-276_en.htm (дата обращения: 1.03.2018)

16. Lomagin N.A. A Cold Peace Between Russia and the West: Did Geo-economics Fail? // The Russian Challenge to the European Security Environment / Roger E. Kanet (ed.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 88 – 114.

17. Makarychev A. Russia, Ukraine and the Eastern Partnership: From Common Neighborhood to Spheres of Influence? // Insight Turkey. – 2014. – Vol. 16. – № 3. – P. 181 – 199.

18. Makarychev A. Russia's neighbourhood policy: Conflictual contexts and factors of change // Key Actors in the EU's Eastern Neighbourhood. Competing perspectives on geostrategic tensions / Kristi Raik, Sinikukka Saari (eds.). – The Finnish Institute of International Affairs. – Report No. 47. – P. 37 – 50.

19. Makarychev A. Russia's neighbourhood policy: Conflictual contexts and factors of change // Key Actors in the EU's Eastern Neighbourhood. Competing perspectives on geostrategic tensions / Kristi Raik, Sinikukka Saari (eds.). – The Finnish Institute of International Affairs. – Report No. 47. – P. 37– 50.

1. Koshkina, S. (2015) Maydan. Nerasskazannaya istoriya [Maydan. Untold story]. – K.: Brayt Star Pablishing. – 408 p. (In Russ.)

2. Merkel' dopustila sozdaniye zony svobodnoy torgovli s Rossiyey [Merkel allowed the creation of a free trade zone with Russia] // RBK. – 2015. – 18 aprelya. –

URL: https://www.rbc.ru/politics/18/04/2015/55319a569a794730e3e57af6 (data obrashcheniya: 1.03.2018). (In Russ.)

3. Miller, A., Luk'yanov, F. (2016) Otstranonnost' vmesto konfrontatsii: postevropeyskaya Rossiya v poiskakh samodostatochnosti [Detachment instead of confrontation: post-European Russia in search of self-sufficiency] // Doklad Soveta po vneshney i oboronnoy politike [Report of the Council on Foreign and Defense Policy]. – 34 p. – URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (data obrashcheniya: 1.03.2018). (In Russ.)

4. Miller, A., Luk'yanov, F. (2017) Sderzhannost' vmesto naporistosti: Rossiya i novaya mirovaya epokha [Restraint instead of assertiveness: Russia and a new world epoch] // Doklad Soveta po vneshney i oboronnoy politike [Report of the Council on Foreign and Defense Policy]. – 24 p. – URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2017/07/report_miller_lukyanov_rus_2.pdf (data obrashcheniya: 1.03.2018). (In Russ.)

5. Moshes, A. (2017) Rossiya-YES: Quo Vadis? Bez peremen, normalizatsiya ili ukhudsheniye [Russia-EU: Quo Vadis? Without change, normalization or deterioration] // PONARS Yevraziya [PONARS Eurasia]. – Analiticheskaya zapiska № 454. – 6 p. – URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm454_rus_Moshes_Jan2017.pdf (data obrashcheniya: 1.03.2018). (In Russ.)

6. Polunin, A. (2016) Vybory v Gosdumu-2016: stsenarii revolyutsii. Sumeyet li Zapad ustroit' v Rossii «tsvetnoy» gosperevorot? [Elections to the State Duma-2016: scenarios of the revolution. Will the West be able to arrange a "colored" coup in Russia?] // Svobodnaya pressa [Free Press]. – 28 fevralya. – URL: http://svpressa.ru/politic/article/143319/ (data obrashcheniya: 1.03.2018). (In Russ.)